

ЗАКАТ ЗАВЕТОВ

Виталий Митрофанович Молчанов родился в 1967 году в Баку. Окончил Московскую академию нефти и газа. Служил в армии. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Дети Ра», «День и Ночь», альманахах «Лёд и пламень», «Паровозъ», «Гостинный Двор», «Башня», «Чаша круговая», в «Антологии русской поэзии XXI века» и др. Лауреат региональной литературной премии им. П. И. Рычкова, премии им. С. Т. Аксакова, премии «Оренбургская лира», Международного литературного конкурса им. А. И. Куприна, Всероссийской премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, Волошинской премии, победитель конкурса исторической поэзии «Словенское поле», лауреат премии «За верность Слово и Отечеству» им. А. Дельвига. Председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, директор Оренбургского областного Дома литераторов им. С. Т. Аксакова.

Давид и Голиаф

...А Голиафа звали Николай —
Гроза двора, известный шалопай,
Горлан, драчун, беда районной
школы,
Высок и толст, накачан,
как гоPLIT.
Ну а Давидом, кстати,
был Давид —
Тщедушный шкет с бутылкой
«Кока-колы».

Притянутся друг к другу полюса:
Плюс к минусу и к сладкому ося,
Как зло к добру, к слезам —
с издёвкой хохот.
Так не должно быть, жизни
вопреки,
Но тот, кто сжал литые кулаки,
Не обратит внимание на ропот.

Качаются ряды филистимлян,
В глазах туман, в висках —
как будто пьян —
Кровь застучала барабанным
боем.

Гольшш ложится в гнёздышко пращи,
И Голиаф всё ближе: «Трепещи!»,
Вот-вот легко расправится с тобою.

Не в шахматы же предложить сыграть...
И вечный страх, и слабости печать
К земле опять привычно шею клонят.
Но память достучится сквозь века:
— Швырни бутылку в лоб крутой врага! —
Стекло с питьём срывая прочь с ладони.

В пыли и Голиаф, и Николай —
Давид, зазря свой меч не вынимай,
И так в крови погрязла современность.
Как хорошо, что слабый снова прав,
Но голиафы не умерят нрав,
Как сказки давних лет свою напевность.

Самсон

К нему пришла беда в роскошном тонком платье,
Остригла под горшок — с усмешкой на губах...
Что сила без ума, что ум без благодати,
Дарованной Отцом в молитвах и постах?

И Ветхий с Новым нас не сделают мудрее,
Закат Заветов стал пугающе багрян.
Возможно ль победить с удавкой на шее,
Когда петля всегда в руках филистимлян?

Поверженный народ унижен и растоптан —
Явь рабского труда, навь тяжкая — не сон,
Где живы лишь мечтой, на миг прильнувшей к окнам,
Как солнца жаркий бок — жив назорей Самсон!

В слепых глазницах свет пылает всё сильнее,
Восставший на виду пирующей толпы:
Удавку разорвать способны мышцы шеи,
А мощь могучих рук — низринуть в прах столпы.

В сегодняшнем бреду витий разноголосых,
Твердящих об одном: «Побольше загреби!»,

Средь заголивших пах и распутивших косы
Далил любых мастей он шествует к любви —

Не плотской, не простой, любви высокой к Богу.
Внутри своей тюрьмы, мешая с явью сон,
Мы, слабые, к нему пристанем понемногу,
Чтоб победил Господь и чтобы пал Дагон!

Авессалом, или Эффект плацебо*

Кресло — как в самолёте,
Тесен зажим головы.
Лазером доктор водит —
Опухоль меньше вроде.
Выбритый до синевы...
Славься, мастер-цирюльник,
Он же стрелок-радист!
— Верьте, живой покойник.
Шторы — на подоконник,
Веки упали вниз...

...жарко — закрыты храмы.
В пыльных одеждах Хеврон
Вспять повернул от драмы.
Мула схватили хамы.
Загнанный Авессалом
Лес возомнил спасеньем,
Кроны — защитой от стрел.
Пряди волос, как змеи,
Веток обвили шеи —
Вырваться не сумел...

...краны бровей подняли
Веки, от груза дрожа.
Лязгнул зажим из стали:
— Вы от кого бежали?
Волосы — тьфу, не душа.
— В церковь схожу, покаюсь,

---

* Термином «эффект плацебо» называют само явление немедикаментозного воздействия не только препарата, а, например, облучения (иногда используют разные «мигающие» аппараты, лазеротерапию и др.).

Дело пойдёт на лад,
Смерти тиски разжались...
«Лазер — хи-хи», — смеялись
Лампочки в сотню ватт.

Вечный Жид

На проспектах каменных столетий,
В переулках путаных времён
Каждый мог его случайно встретить
Средь иных народов и племён,
В тени, проскользнувшей меж углами
Зданий у асфальтовых дорог,
В эхе, отозвавшемся словами:
«Вам случайно не встречался Бог?»»

Растворяясь в человечесьей гуще,
Попирая землю сонмы раз,
Он бредёт — невластный, неимущий,
К небу не поднявший тусклых глаз.
Только шепчут, словно мантру, губы
Заклинанья в воздухе густом:
— Зазвучите, ангельские трубы,
И явись мне, человек с крестом!

Как сказал Идущий на Голгофу,
Кровью ставя на песке печать,
Обрекая жизнь на катастрофу:
«Ухожу, а ты останься ждать».
В тщетном ожидании Мессии
В переулках времени слепых
То в поту бредёт, то хрусткий иней
Он с волос срывает прочь своих.

Люди есть, во всём ему подобны, —
Часто, потеряв себя самих,
Существуют лишь в мечтах бесплодных,
Мучая и близких, и родных.
Нанесут невинному обиду
И не примут покаянный вид,
А меж ними бродит неубитый,
Непрощённый, ждущий Вечный Жид.

Авель и Каин

Ветер бьётся в веки ставен, ищет щель во рту дверей,
В уши труб взывает: «Каин, старый грешник и злодей,
Где твой младший братец Авель? Отзовись и дай ответ!»
Скрип сосны ждать не заставил: «Средь-живых-такого-нет».

Веток мерное качанье гонит утреннюю мглу,
Кошка, позабыв мурчанье, спину выгнула в углу,
Всё живое замирает, неживое — чуть дрожит,
Солнце облако кровавит, на плечах небес лежит.

Повторя лихолетье — древних памятное зло —
Братья братьев в лапы смерти предают, скривив мурло.
Зависть, ревность ли, обида, алчность ныне правят бал?
Их объятья лишь для вида, за улыбками — оскал.

В прах стерев тысячелетья: опыт, память, совесть, род —
Раз, другой, а может, третий братский вырежут народ
И кричат, багряня рожи, в адову спускаясь тьму:
«Разве сторож, слышишь, Боже, я братишке своему?!»

Ветер стих, открыты ставни, жёлтым светится Луна,
А за нею звёзды в плавнях оставляют письма.
Снятся братья — Каин, Авель, чудо жертвенных огней —
К Богу два дымка направят, чтобы стал наш мир добрей.

Саломея

Танец завораживал — кружилась пёрышком царевна на пиру,
То в силках подобно птице билась, то скользила рыбкой на полу,
То скакала, словно лань чудная, среди столов, как в роще среди олив,
То, подкравшись кошкой, озорная, вдруг у царских ног на миг застыв,
Язычком облизывала губы, щурила глаза, и страстный вздох
Вряд ли заглушить сумели б трубы... Ирода заставшая врасплох
Совершенством форм, и черт, и линий, падающих с тела покрывал —
Плечи, грудь — оазисы в пустыне, и кифары женственный овал,
Тёплая волнующая кожа, кос пожар, с зарницами глаза...
Встал тиран, пир царственный итожа:

«Только пожелай — всё дам, краса!»

Вытянулась в струнку Саломея, как свеча, блестящая в огне:
«Голову Крестителя скорее вы на серебре подайте мне!»

Ветер, проносающийся по залу, в ворохе запутался одежд:
Тихий вскрик, стук павшего бокала, будто бы нарушили рубеж
Между тем и этим грешным светом — смех Иродиады, страх царя.
Но кивком отпущены клеветы убивать в темнице бунтаря.

Что ж вы... Снова в памяти прореха, а за нею тьма и глухота:
Усекли главу не человеку, самому Крестителю Христа.
Ведьмин взгляд, коварный и лукавый, топоры вонзает в туши плах...
...на красавиц делали облавы, их, поймав, сжигали на кострах.

Суламифь

Несказанное стонет рядом — все слова разметал февраль,
Ты останешься за оградой — отвернувшись, уйду я вдаль,
Растворяясь во мгле и снеге, превращая реальность в сон:
Мимо лоз, разомлевших в неге, молча шествует Соломон.

Виноградины — капли солнца, в них огонь будоражит сок,
Только тронешь — наружу рвётся, шкурку лопнув наискосок.
У него же февраль, не август, в сердце льдины — то вкось, то вкривь:
«Как с любимой навек расстанусь, как забуду тебя, Суламифь?»

На кольце «Всё проходит» — вязью, утешенье для молодых.
Опалённые поздней страстью от ногтей до бород седых,
Мы порою всю жизнь итожим, изливаясь в Песне песней.
Что любимой отдать мы можем, кроме сказанных слов о ней?

Нам ли в мудрость поверить многих, с ободка обтерев налёт,
Похоронные встретив дроги, свято верить: «И это пройдёт»?
«Ничего не проходит» — верно, на ребре самый главный знак,
Вновь кольцо беребишь ты нервно по дороге пустой во мрак.

Выжигая углём горящим в сердце льдин вековой наплыв,
Словно прошлое с настоящим — я и ты — временной разрыв.
Несказанное стонет рядом — все слова разметал февраль.
Суламифь, провожая взглядом, слёз ручьи превратит в хрусталь.